

В отличие от других построек в Байе, чтобы попасть из Белой ночи в Ночной терем, необходимо пройти через верхний ярус Белой ночи по навесному мосту.

Проходя мимо последней изысканной комнаты на третьем этаже Белого терема, оба вынужденно остановились и уставились на того, кто находился перед ними.

Раздался грохот — дверь комнаты с силой распахнулась, и оттуда в смятении выскочил юноша в белоснежных шелках. Его обычная ледяная холодность сменилась пунцовым румянцем, в прекрасных глазах застыла влажная дымка, а от всего его тела исходил жар.

Это был человек, которого Цзян Есюэ меньше всего на свете хотел встретить — Мужун Чуи. Неизвестно, что с ним произошло, но выглядел он крайне странно.

Заметив Цзян Есюэ, Мужун Чуи на мгновение замер, его щеки вспыхнули еще ярче, но, вопреки ожиданиям, он не стал сводить счеты, а поспешно скрылся.

Что касается женщины в зеленом, то она, увидев Мужун Чуи, надолго лишилась дара речи. Только что она восхищалась тем, что Цзян Есюэ не сравнится с небожителем, но теперь у нее не нашлось слов, чтобы описать этого человека. Она заворожено смотрела ему вслед.

Цзян Есюэ лишь слегка удивился поначалу, но вскоре его лицо вновь стало бесстрастным. Однако случайный взгляд в сторону комнаты, из которой выбежал Мужун Чуи, заставил его замереть: за полупрозрачной ширмой разворачивалась самая настоящая любовная сцена.

Тихо кашлянув, Цзян Есюэ поспешно отвел глаза. Теперь он понял, почему Мужун Чуи вел себя так странно: было бы чудом, если бы столь холодный человек остался невозмутимым, став свидетелем подобного.

В этот момент женщина в зеленом промолвила с чувством:

— Истинное сокровище, редкий красавец. Интересно, каким обаянием обладает этот господин Цинсюй, что сумел его приворожить.

Она добавила:

— Судя по виду, для юного господина это был первый раз. Неизвестно, какая счастливица удостоится его милости сегодня ночью, ведь от аромата Хэхуань в Белом тереме не так-то просто избавиться.

Цзян Есюэ снова кашлянул, на сей раз чувствуя неловкость. Он-то думал, почему Мужун Чуи, увидев его, не обнажил меч, как обычно, а выглядел столь странно. Оказалось, что главным действующим лицом той сцены был господин Цинсюй, а ведь когда-то он сам носил титул старейшины Цинсюя.

Не заметив перемены в лице Цзян Есюэ, женщина в зеленом по доброте душевной прикрыла дверь, и стоны, доносившиеся из комнаты, стихли.

— Господин, мы пришли, — сказала она, подталкивая кресло Цзян Есюэ вперед.

Цзян Есюэ кивнул, ничего не ответив, но его внимание уже не принадлежало Ночному терему за мостом — взгляд то и дело возвращался к месту, где они только что стояли.

Наконец он заговорил:

— Позвольте полюбопытствовать, неужели аромат Хэчуань в вашем тереме действительно ничем нельзя нейтрализовать?

Женщина в зеленом не поняла, зачем он спрашивает, но ответила:

— Аромат Хэчуань в Белом тереме обладает невероятной силой. Если после вдыхания не предаться плотским утехам, мучения будут такими, что человек не сможет ни жить, ни умереть.

Она пояснила:

— Впрочем, существует и другой способ. Если человек, обладающий внутренней энергией, с помощью духовных потоков вытянет аромат из тела пострадавшего, тот будет спасен. Правда, для того, кто вытягивает яд, это обернется еще более невыносимым жаром.

Цзян Есюэ изменился в лице, в его глазах читалась явная тревога. С извиняющимся видом он произнес:

— Мне внезапно вспомнилось неотложное дело. Боюсь, сегодня я не смогу насладиться красотами терема. Прошу прощения, что отнял у вас столько времени.

Он не мог оставить это просто так. В конце концов, он нашел себе оправдание: Мужун Чуи — человек из клана Юэ, а он, как страж Хуньяньдуна, не может допустить, чтобы тот погиб от рук чужаков. И пусть тот жаждет его смерти, он обязан его защитить. К тому же, этот человек уже выбран наставником для маленького Вэньжэня, так что ради ребенка он обязан это сделать.

Не найдя Мужун Чуи в Белом тереме, Цзян Есюэ покинул его пределы.

Наступила полночь, вторая стража. Улицы были безлюдны и погружены в тишину.

Неизвестно, то ли он хорошо понимал характер Мужун Чуи, то ли ему просто повезло, но Цзян Есюэ без особого труда нашел его на старой ивовой аллее.

В лунном свете Мужун Чуи прислонился к иве. Его лицо пылало, и в ночной тьме было трудно разглядеть истинное выражение его глаз.

Остановившись в десяти шагах, Цзян Есюэ холодно бросил:

— Господин Мужун, сколько бы вы ни стояли на ветру, это не поможет. Аромат Хэхуань не так прост. Где ваша невеста? Почему вы не попросили ее о помощи? Или вы хотите, чтобы на девушку пало клеймо вдовы, погубившей мужа?

Услышав голос за спиной, Мужун Чуи обернулся. Из-за действия яда его голос звучал хрипло и низко:

— Зачем ты пришел?! Если хочешь умереть, я не стану сдерживаться.

Цзян Есюэ усмехнулся:

— Не знаю, умру ли я, но точно знаю: если вы сейчас же не найдете способ снять яд, я буду лично наблюдать, как вы погибаете.

В его словах сквозило торжество.

— Ты! — Мужун Чуи пришел в ярость, но на этом слове его голос оборвался.

Он впился ногтями в кору дерева. Злой огонь внутри разгорался все сильнее, словно пытаясь поглотить его целиком. Ему было невыносимо жарко, одежда промокла от пота, зрение затуманилось, а звуки вокруг стали неразборчивыми.

Прищурившись, Цзян Есюэ заметил неладное.

— Господин Мужун, пока вы еще в сознании, лучше найдите того, кто сможет вам помочь, — посоветовал он. — Если вы потеряете рассудок и оскорбите кого-то другого или умрете здесь, интересно, что подумает об этом клан Юэ.

Цзян Есюэ спустился с кресла на землю. Неизвестно, слышал ли его Мужун Чуи, но кроме дрожи в теле, он не подавал признаков жизни.

Видя это, Цзян Есюэ нахмурился и тяжело вздохнул. Прошептав заклинание и сложив пальцы в нужной печати, он, преодолевая себя, направился к Мужун Чуи.

Он и подумать не мог, что однажды применит технику восстановления ради этого человека.

Приблизившись, он почувствовал исходящий от Мужун Чуи обжигающий жар. Цзян Есюэ понял, что медлить нельзя, и, не раздумывая, схватил его за запястье, пытаясь увести.

— Где ты живешь? Я отведу тебя к кому-нибудь. Если продолжим тянуть, ты погибнешь.

Но вместо того, чтобы пойти, Мужун Чуи сбил его с ног.

Потеряв бдительность, Цзян Есюэ оказался прижат к траве, а его руки, которыми он держал Мужун Чуи, были намертво заблокированы.

В первое мгновение мозг Цзян Есюэ опустел, но он быстро пришел в себя и начал яростно сопротивляться:

— Мужун Чуи, отпусти меня, мерзавец! Ты хоть понимаешь, что я могу тебя убить?!

Он пришел с добрыми намерениями, а его так встретили! Гнев закипал в нем. Но Мужун Чуи словно не слышал: он прижал его еще сильнее, всем телом навалившись сверху, не разбирая, кто перед ним.

Жгучее дыхание обволакивало его. Цзян Есюэ, едва сдерживая ярость, прошипел:

— Какой толк от того, что ты меня держишь? Отпусти, я отведу тебя к тому, кто снимет этот яд!

Но Мужун Чуи не отпускал, наоборот, сжал его руки еще крепче. Цзян Есюэ не знал, что в голове у Мужун Чуи сейчас стояла лишь та самая сцена из Белого терема. Все эти постыдные движения и стоны... Он пытался выбросить эти воспоминания, но они становились лишь отчетливее.

Мужун Чуи смотрел в лицо человека под собой. Он знал, кто это, знал, как сильно ненавидит его, но не хотел отпускать, потому что сейчас этот человек был единственным источником хоть какого-то проблеска разума.

Однако даже самый холодный человек, охваченный страстью и отравленный ароматом Хэхуань, едва ли способен сохранить рассудок. Даже перед лицом заклятого врага он не мог поручиться за свои действия.

Как бы Мужун Чуи ни был силен и холоден, он оставался мужчиной. Он не пробовал плотских утех, но это не означало, что он не знал, как это делается.

Наклонившись, он наконец накрыл манящие губы врага, погружаясь в пучину забвения.

— Ты... — Цзян Есюэ хотел что-то сказать, но возможности уже не было.

Он застыл, забыв даже сжать челюсти, и когда пришел в себя, было уже поздно. Их губы и языки переплелись, словно пытаясь слиться воедино.

Мужун Чуи окончательно лишился рассудка — это был единственный вывод, к которому пришел Цзян Есюэ.

Его руки, вынужденно сцепленные с руками Мужун Чуи, не могли пошевелиться. И хотя он был выше ростом, его тело казалось таким слабым, что он не мог оказать никакого сопротивления. Неужели это возмездие?

Поскольку он отсек свои чувства и желания, он не испытывал ни капли страсти. Даже будучи прижатым к земле, он оставался пугающе хладнокровным.

Ты ведь ненавидишь меня... Ладно, ладно, сделаю это ради того, что ты станешь будущим наставником Вэньжэня.

Внутренние терзания сменились ясностью. Подумав о маленьком Вэньжэне, Цзян Есюэ отказался от попыток сопротивляться с помощью духовной силы. Вместо этого он решил сам вытянуть аромат из тела Мужун Чуи. В конце концов, у него нет желаний, так какой вред может причинить ему даже самый сильный яд?

С этой мыслью он ответил на поцелуй. Чтобы вытянуть яд, другого способа, кроме как использовать губы, он не видел.

В момент соприкосновения он слегка вздрогнул. В сердце возникло странное чувство, а его техника поцелуя оказалась до неприличия искусной. Он невольно задумался: случалось ли ему такое раньше? Нет, конечно, нет. Должно быть, это врожденный талант.

Наконец он нашел ответ для самого себя.

Их губы слились, руки непроизвольно сжались еще крепче.

Хотя Цзян Есюэ непрерывно вытягивал аромат с помощью духовных потоков, страсть в глазах Мужун Чуи ничуть не угасла, напротив — она разгоралась с новой силой. Казалось, одного поцелуя ему уже недостаточно.

Чувствуя, как плотно их тела прижаты друг к другу, Цзян Есюэ не мог не заметить реакцию Мужун Чуи. Его влажные глаза блеснули, в душе зародилась тревога.

И его опасения оправдались: Мужун Чуи начал развязывать его пояс. До этого момента он мог терпеть, но теперь, если он не предпримет мер, он действительно лишится невинности.

<http://bllate.org/book/22459/2362196>